
АРХИВНЫЕ РАЗЫСКАНИЯ. ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

Е.Н. Строганова¹

Тверской государственный университет

МОСКОВСКИЙ ЦЕНЗОР Д.С. РЖЕВСКИЙ: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Статья посвящена разным аспектам деятельности Д.С. Ржевского, чья недолгая цензорская служба пришлась на последние годы царствования Николая I. С привлечением архивных и печатных источников не только уточняются биографические факты, но создается представление о личности Ржевского (гражданская позиция, общественная деятельность) как одного из «лучших» людей.

Ключевые слова: забытое имя, архивные материалы, гражданская позиция, цензурное ведомство, эпоха реформ, защита крестьян.

E.N. Stroganova

Tver State University

MOSCOW CENSOR D.S. RZHEVSKY: TOUCHES TO THE PORTRAIT

The article is devoted to various aspects of D.S. Rzhnevsky's activities. This censor's brief office term fell upon the last years of the reign of Russia's Emperor Nicholas I. With the use of archival and published documents the author not only clarifies Rzhnevsky's biographical facts, but also formulates the idea of his personality (his civic position, social activities) as one of the "best" people.

Keywords: a forgotten name, archival materials, civic position, censorship agency, era of reforms, the protection of peasants.

¹ Строганова Евгения Нахимовна, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра тверского краеведения и этнографии Тверского государственного университета

Дмитрий Семенович Ржевский (1817¹–1868) не снискал громкой известности при жизни и был забыт потомками. В немногочисленных упоминаниях он чаще всего репрезентируется как московский цензор, но его деятельность никогда не становилась предметом рассмотрения. Однако говорить лишь об одной стороне жизни Ржевского в отрыве от биографии в целом вряд ли правомерно. Попытаемся соединить воедино разрозненные сведения и хотя бы в общих чертах воссоздать облик одного из тех людей, кого современники называли «лучшими»².

Уроженец Рязанской губернии, Ржевский в 1838 г. окончил Московский университет. Служил в Тифлисе в канцелярии главноуправляющего Закавказским краем, затем был причислен к ведомству Министерства иностранных дел и с 1843 г. жил в Петербурге. В 1849 г. он переводится на службу в Московский главный архив (вспомним пушкинских «архивных юношей»), а в 1850 г. получает должность цензора Московского цензурного комитета³ (ГАТО. Ф. 645. Оп. 1. Ед. хр. 3500. Л. 2 об. – 7 об.). В Москве

¹ Печатные источники датируют рождение Ржевского 1810-ым г. [Гринченко, Патрушева 2000, с. 428]. Точная дата рождения (23.11.1817) и крещения (27.11.1817, церковь Преображения Господня села Погост Дошатый Зарайского у.) приводится: [Анохин, <http://www.history-ryazan.ru/phpbb/viewtopic.php?f=29&t=314>]. Год рождения подтверждается и формулярным списком: Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 645. Оп. 1. Ед. хр. 3500. Л. 2 об. Далее отсылки к архивным документам приводятся в тексте с указанием архивохранилища, номера фонда, описи, единицы хранения и листа.

² Говоря о второй половине 1850-х гг., «лучшим человеком того времени в Твери» назвал Ржевского Унковский в письме к Г.А. Джаншиеву от 23 апреля 1892 г. [Джаншиев, 1894, с. 139].

³ Есть сведения о том, что Ржевский занимался публицистикой. А.В. Мезьер называет его сотрудником «Московских ведомостей» [Мезьер, 2000, с. 97]. См. также [Ржевский Д.].

Ржевский женился на Наталье Сергеевне Фонвизиной (1826/1831¹–1886)², внучатой племяннице драматурга. В их доме бывали известные люди, в том числе литераторы – знакомые хозяина по его служебным занятиям [Соколова, 1911, с. 106–109]. Близостью с Ржевским, курировавшим «Москвитянин», Н.Ф. Щербина объяснял свое сотрудничество в этом журнале: «Я печатался в “Москвитянине” *единственно только потому*, что <...> я был сам лично корректором и редактором своих стихотворений <...> и лично бывал у цензора, когда они цензировались...» [Ежегодник, 1980, с. 171]. Атмосферу дома определяла хозяйка, которая обладала «чудесным голосом» [Ржевская, 2010, с. 21], «сама писала прекрасные музыкальные вещи»³ и славилась «исключительным умом». Остроумие Натальи Сергеевны носило подчас рискованный характер, и одна из шуток, донесенных до начальника московской жандармерии, даже стала, по словам современницы, «причиной неприятностей» для ее мужа [Соколова, 1911, с. 104].

Поведение цензоров определялось не личными пристрастиями, но политическими причинами. Сохранившиеся сведения о цензурской деятельности Ржевского дают представление не столько о его эстетических предпочтениях, сколько о гражданской позиции. Его служба в цензурном ведомстве пришлось на особенно тяжелые для литературы времена. Я.П. Полонский вспоминал: «...цензура разоряла вконец <...> надо было бороться с цензором из-за каждого слова. Получить место я не мог – писатели были в загоне; Щербине советовали не употреблять имя Гегеля и Шеллинга в разговорах: иначе, говорили ему, на вас будут коситься и вы ничего не добьетесь. На Погодина, на Хомякова, Краевского, Самарина были доносы, они тоже были под подозрением, – словом, страшное, тяжелое

¹ Указания на дату рождения Н.С. Фонвизиной разнятся: 22 февраля 1826 г. [Анохин] / 1831 г. [Любарский].

² Дочь Сергея Павловича Фонвизина, главы тайной московской масонской ложи [Долгоруков, 1934, с. 327].

³ Н.С. Ржевская была одной из немногих женщин-композиторов середины XIX в. Известны ее романсы на слова А.В. Кольцова («Моя юность цвела», «Так и рвется душа»), И.С. Никитина («Песня бобыля»), Н.А. Некрасова («Прости») и др., ноты которых печатались в 1867–1889 гг. См. также: [Ржевская, 1862].

время я прожил в эти 50-е годы» [цит. по: Мушина, 1986, с. 10–11]. Должность цензора предполагала высокую степень личной ответственности, поэтому стремление некоторых из них обезопасить себя доходило порой до абсурда. Известен анекдот о цензоре Н.С. Ахматове, который в поваренной книге Е.А. Авдеевой не пропустил совет ставить пироги «на вольный дух» [Скабичевский, 1892, с. 370]. Автор современного исследования замечает, что «служебное поведение московских цензоров» отличалось нестандартностью, «отсутствием конъюнктурных устремлений», некоторые из них «демонстрировали готовность рисковать своим хорошо оплачиваемым служебным положением ради поддержки литературы» [Ботова, 2003, с. 28]. В числе таких цензоров был Д.С. Ржевский, что подтверждают неоднократные нарекания в его адрес. Приведу несколько эпизодов.

В первой половине XIX в. цензура находилась в ведении Министерства народного просвещения, в Москве должность председателя цензурного комитета с 1828 г. занимал попечитель учебного округа [Гринченко, Патрушева, 2000, с. 411]. 21 ноября 1851 г. министр просвещения «конфиденциально поручил» председателю Московского цензурного комитета В.И. Назимову сделать внушение цензору Ржевскому за публикацию «Колыбельной песни» Некрасова¹, которая первоначально была напечатана в «Московском сборнике» 1846 г. и «подверглась порицанию правительства». При этом министр замечал: «Хотя о сем обстоятельстве и не было сообщено Московскому цензурному комитету, но <...> цензор Ржевский не мог не заметить крайней неприличности содержания и выражений “Колыбельной песни”, а потому, при нынешних еще более строгих требованиях цензуры, никак не должен был допустить оного к печати» [цит. по: Стасов, 1903, с. 686]. О сделанном ему внушении Ржевский сообщал Погодину: «Сегодня в комитете получена бумага, заключающая выговор мне за пропуск пародии Некрасова “Баюшки-баю”, и потому, почтеннейший Михаил Петрович, не излишне было бы Вам с общего согласия удвоить предосторожность» [цит. по:

¹ Речь идет о статье Б. Алмазова (Москвитянин. 1851. № 19–20), в которой стихотворение «Колыбельная песня. Подражание Лермонтову» оценивалось «как неприличная и оскорбительная выходка», но приводился полностью ее текст [Летопись, 2006, с. 382].

Летопись, 2006, с. 385]¹. Несколькоми месяцами позднее, в письме от 16 мая 1852 г., министр обращал внимание председателя цензурного комитета на то, что в «Москвитянине» была помещена повесть «Он», обнаруживающая «нелюбовь, непочтение и даже пренебрежение дочери к своим родителям». Министр конфиденциально просил Назимова «сделать цензору Ржевскому замечание за допущение ее в печать» [Стасов, 1903, с. 695–696]. В цензурской практике Ржевского были и другие административные порицания, что в конце концов привело к его отставке.

Причиной отставки цензоров Ржевского и М.Н. Похвиснева А.В. Никитенко называл напечатанную в «Москвитянине» (1854. № 12–14) повесть В. Лихачева «Мечтатель», содержащую несколько мест, которые «лучше было бы не пропускать во избежание худшего зла» [Никитенко, 1893, с. 570]. Полагаясь на эту информацию, А.М. Скабичевский повторил ее в «Очерках по истории русской цензуры» [Скабичевский, 1892, с. 381]. Действительно, повесть «Мечтатель», в которой усмотрели «выходки против гражданской службы» и «против святости брачного союза», «воздвигла цензурную бурю на “Москвитянина”» [Барсуков, 1899, с. 216]. Но, судя по всему, дело ограничилось только «строгим внушением», потому что следующие книжки журнала – за август и сентябрь (№№ 15–18) – также цензуровал Ржевский².

Однако в № 18 «Москвитянина» был помещен рассказ «Отрывок из записок почтмейстера»³, который вызвал особенное негодование министра. 17 октября последовало его обращение к главе Московского цензурного комитета, где уже конкретно было названо имя виновника – надворного советника Ржевского, который пропустил рассказ, содержащий «сатирические выходки против чинов гражданской службы». Посыгательство на честь государственных служащих расценивалось как подрыв авторитета власти, а потому считалось недопустимым публиковать произведения, «вредящие

¹ Заметим, что и в тексте Летописи и в Указателе имен инициалы Ржевского даны ошибочно – «С.Д.».

² Об изменении ситуации свидетельствует тот факт, что № 19 был подписан уже двумя цензорами – Д. Ржевским и В. Флеровым.

³ В журнальной публикации не указан автор, но он назван Н.П. Барсуковым – «отставной офицер Раевский» [Барсуков, 1899, с. 217].

уважению, которым должны пользоваться лица, состоящие в государственной службе» [Барсуков, 1899, с. 218]. Таким образом, хотя повесть «Мечтатель» и вызвала серьезные нарекания в адрес Ржевского, но непосредственной причиной его отставки явилась публикация рассказа «Отрывок из записок почтмейстера».

Увольнения цензоров обычно не имели тяжелых последствий, взыскания со временем снимались и «не влияли на дальнейшее прохождение службы» [Гринченко, Патрушева, 2000, с. 414]. Таков случай М.Н. Похвиснева, который был уволен одновременно с Ржевским с формулировкой «по состоянию здоровья», но уже через год назначен виленским вице-губернатором¹, а впоследствии занимал еще более значительные посты [Гринченко, Патрушева, 2000, с. 427].

Ржевский же был перемещен в Тверь исправляющим должность директора народных училищ Тверской губернии² [ГАТО. Ф. 20. Оп. 1. Ед. хр. 2512. Л. 10]. Это назначение последовало в день увольнения – 9 ноября, и уже 7 декабря надворный советник Ржевский вступил в новую должность, о чем сообщал начальству. В фонде директора народных училищ Тверской губернии сохранились черновики его донесений:

«11 Декабря 1854
№ 895

Попечителю М<осковского> округа

Имею честь донести Вашему Превосходительству, что я сего Декабря 7-го дня вступил в исправление должности Директора Училищ Тверской губернии. О состоянии Тверской Гимназии и состоящего при ней Благород<наго> Пансиона буду иметь честь подробно донести В<ашему> Пр<евосходительству> в

¹ М.Н. Похвиснев до начала 1853 г. служил правителем канцелярии попечителя Московского учебного округа В.И. Назимова, по представлению которого получил должность цензора [Дневник, 1911, с. 189–190]. В.И. Назимов в 1856 г. был назначен генерал-губернатором в Вильно и, видимо, вновь составил протекцию своему любимцу.

² Приказ о назначении Ржевского директором училищ последовал более года спустя – 12 апреля 1856 г. [ГАТО. Ф. 645. Оп. 1. Ед. хр. 3550. Л. 7 об.].

непродолжительном времени» [ГАТО. Ф. 20. Оп. 1. Ед. хр. 2512. Л. 10, 14].

«28 февраля 1855 г.

№ 125

Его Превосходительству Господину
Попечителю Московскаго Учебнаго Округа

В дополнение к донесению моему от 11 Декабря прошлаго 1854 года за № 895 имею честь донести Вашему Превосходительству, что мною принято имущество Благороднаго Пансиона и Тверской Гимназии, а также и суммы принадлежащая этим казенным заведениям и дела Канцелярии Твер<ской> Дирекции Училищ как решенные, так и текущие, по представленных при сих Вашему Превосходительству отчетам и рапортам чиновников, введении которых находится имущество Твер<ской> Гимназии и Благород<наго> Пансиона» [ГАТО. Ф. 20. Оп. 1. Ед. хр. 2512. Л. 10, 16].

К этому донесению приложены рапорты чиновников и документы имущественного и финансового характера. Обращает на себя внимание серьезность, с которой Ржевский приступил к новой для него деятельности, и скрупулезность в отношении к казенному имуществу, которое он принимал под свою ответственность. Надо сказать, что получил он довольно ветхое хозяйство. Гимназия размещалась в старом, мало пригодном для использования здании, в еще худшем состоянии находилось помещение благородного пансиона [Крылов, 1904, с. 36–45]. Строительство нового здания, начатое еще в 1840-х гг., долгие годы затягивалось по причине нераспорядительности одних лиц и злоупотреблений со стороны других [Джаншиев, 1894, с. 137–141]¹. Ржевский энергично искал выход из неблагоприятной ситуации. Он предпринял попытку на то время, пока идет строительство, занять часть пустующего здания Путевого дворца под пансион, о чем уведомлял попечителя Московского учебного округа².

¹ Джаншиев приводит письмо Унковского от 23 апреля 1892 г. Д. Крылов в своем очерке истории Тверской гимназии обходит все острые вопросы и не упоминает об этих трудностях.

² Письмо не содержит обращения, но, судя по тексту, адресовано попечителю. Московского учебного округа. В черновике

«3 Мая 1855

№ 257

Г-н Управляющий Удельной Конторою сообщил мне что находящийся в Твери Императорский Дворец, будучи для Удельного Ведомства совершенно бесполезен, Министерство Уделов желало бы предоставить оный для всякаго почетнаго назначения, могущего представиться в Губернии, Городе. На вопрос мой согласилось ли бы Министерство уступить Дворец для помещения Гимназического Благороднаго пансиона Г-н Управляющий отвечал что почетнее назначения для такого рода здания и быть не может.

При неудобствах и недостаточности настоящего помещения как Тверской Гимназии, так и состоящаго при ней Благороднаго Пансиона¹; – я долгом считаю довести о вышеизложенных обстоятельствах до сведения Вашего превосходительства, – тем более что здание воздвигаемое Дворянством для помещения сих заведений – уже несколько лет нисколько не подвигается вперед, и время окончания его, даже приблизительно определено быть не может» [ГАТО. Ф. 20. Оп. 1. Ед. хр. 2633. Л. 1 – 1 об.].

Именно при Ржевском строительстве нового здания гимназии было наконец-то завершено – новоселье произошло в 1859 г. О том, что Ржевский заботился о воспитанниках, свидетельствуют и воспоминания выпускника 1855 г. В.П. Покровского, в будущем известного статистика. По состоянию здоровья ему пришлось сдавать выпускной экзамен уже после летних вакаций, отдельно от товарищей. Покровский вспоминал, что при выпуске директор «сердечно» попрощался с ним и снабдил «рекомендательным письмом к одному из своих московских знакомых, на случай надобности в приискании уроков» [цит. по: Крылов, 1904, с. 374].

В Твери, как и в Москве, дом Ржевских стал одним из центров общественной жизни. Постоянно бывал здесь предводитель тверского дворянства и глава либеральной оппозиции Унковский, который позже вспоминал, что его проект создания банка для выкупа крестьянских

много исправлений, поэтому привожу тот текст, который может считаться окончательным.

¹ На полях: «неудобствах и недостаточно хорошо известно <?> начальству».

наделов неоднократно обсуждался у Ржевского: «Это был симпатичный, хорошо образованный человек; да и жена его была ему под пару» [Записки, 1992, с. 27]. На таких «собраниях» присутствовали губернатор П.Т. Баранов и жандармский полковник И.М. Симановский, иногда снабжавший Унковского свежими номерами «Колокола». В 1856 г. у Ржевских бывал А.Н. Островский, который по заданию Морского министерства изучал жизнь верхневолжского населения, связанного с речным промыслом. В его дневнике с апреля по июнь неоднократно упоминаются посещения Ржевских и имена тех, кого он у них встречал: учитель Гарусов – «чудак естественный»¹, Козаков – «человек замечательный, хотя тоже чудак», московский знакомый Н.Ф. Щербина. 9 мая 1856 г. Островский в присутствии Ржевского читал пьесу «Свои люди – сочтемся» в доме Унковского [Островский, 1978, с. 363–373]². Через Унковского познакомился с Ржевскими М.Е. Салтыков, который приезжал в Тверь в 1856, 1858 и 1859 гг. [М.Е. Салтыков и Тверской край, 2009, с. 275, 279, 280]; эти отношения продолжились и впоследствии³.

¹ Гарусов Иван Дмитриевич, младший учитель русской грамматики и истории (с 1849 г.), действительный студент философского факультета Московского университета; до 1853 г. заведовал гимназической фундаментальной библиотекой [Крылов, 1904, с. 200].

² В записи от 27 апреля 1856 г. Островский неверно называет инициалы Ржевского – «Д.Г.» (возможно, описка или недосмотр публикаторов), что вошло в *Указатель* к собранию сочинений и в некоторые краеведческие издания, некритично повторяющие эту ошибку [Сысоев, 2004, с. 278].

³ В декабре 1861 г. Салтыков взял у Н.С. Ржевской деньги в долг сроком на два года для покупки имения Витенево. Выплата затянулась, и в 1867 г. он оставался должен еще 2500 руб., о чем писал Унковскому: «1-го февраля срок для уплаты денег Нат<алье> Серг<еевне>, и мне ужас как хотелось бы покончить с этим делом, потому что она, кажется, начинает уже беспокоиться» [Салтыков, 1975, с. 325]. Но на сей раз Салтыков сумел отдать долг, так как Некрасов согласился ссудить его деньгами [Салтыков, 1975, с. 328]. Выяснение подробностей жизни Ржевских помогает внести коррективы и в летопись жизни Салтыкова, в данном случае уточнить,

В Твери Ржевскому пришлось снова вернуться к цензорским обязанностям, поскольку по роду своей службы он являлся цензором неофициальной части «Тверских губернских ведомостей». Один из эпизодов этой деятельности отражен в его переписке с губернатором Барановым. 24 февраля 1858 г. губернатор направил Ржевскому для рассмотрения статью ржевского помещика Кардо-Сысоева «Мысли русского в провинции, вследствие предстоящих общественных реформ». Приводим черновик ответного письма Ржевского:

«2 Апреля 1858 г.

№ 192

М.<илостивый> Г<государь>

Граф Павел Трофим<ович>

Возвращая у сего¹ статью Г-на Кардо-Сысоева, присланную ко мне Вашим Сиятельством для рассмотрения, имею честь уведомить Вас, М<илостивый> Г<государь>, что я не нахожу возможным ничего положительного сказать об этой статье *в цензурном отношении*, по причине крайне сбивчиваго и темнаго изложения, препятствующаго даже хорошо понять цель и убеждения автора. А так как вопросы обсуживаемые автором в статье этой касаются самых важных государственных предметов, то при невозможности даже себе яснаго отчета о том как понимает их автор, я и не могу принять на себя ответственности в допущении статьи этой к напечатанию.

С совершенным почтением и преданностью имею честь быть Вашего Сият-ва» [ГАТО. Ф. 20. Оп. 1. Ед. хр. 2932. Л. 2 – 2 об.].

что долг он, скорее всего, отдал в Рязани и не приезжал для этого в Тверь в феврале 1868 г. [М.Е. Салтыков и Тверской край, 2009, с. 308].

¹ «У сего» – канцеляризм, синонимичный «при сем». Он встречается и в другом документе – бумаге из канцелярии попечителя Московского учебного округа, где сказано, что она «имеет честь препроводить у сего формулярный список о службе бывшего цензора Московскаго Ценсурнаго Комитета, ныне исправляющаго должность Директора Училищ Тверской губернии, надворнаго советника Ржевскаго, присовокупляя, что он, Г. Ржевский, удовлетворен жалованьем по комитету по 9 число минувшаго ноября, как по день перемещения в новую должность Высочайшим Приказом» [ГАТО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 2512. Л. 15 – 15 об.].

Отказ поместить в газете невнятную статью, касающуюся «самых важных государственных вопросов», убеждает в серьезности отношения Ржевского к этим вопросам. Он и его жена явно занимали прокрестьянскую позицию, чему находим документальные подтверждения, в частности опись бежецкого имения Н.С. Ржевской от 6 декабря 1858 г., которая свидетельствует, что ее крестьяне находились в относительно неплохих условиях¹. После реформы Ржевская очень оперативно решила земельный вопрос. Уже 25 августа 1861 г. она составила два выкупных договора с крестьянами деревень Крупицы, Давыдцево и Федорцево, полюбовно уладив с заинтересованной стороной все вопросы по поводу земельных наделов, при этом снизила на треть дополнительный платеж, который полагался ей с крестьян деревень Давыдцево и Федорцево [ГАТО. Ф. 484. Оп. 1. Д. 2770. Л. 13–17].

В апреле 1860 г. Ржевский оставил службу² и возвратился в Рязанскую губернию, где ему досталось от матери имение Власьево в Зарайском уезде. Его племянница Надежда Петровна Ржевская вспоминала, что Власьево ее отец и Ржевский получили пополам: «Дмитрий Семенович все Власьево оставил за собой, а отцу моему за его половину дал 20000. Так как денег у него не было, то он их взял у жены, у Натальи Сергеевны, которая их дала беспрекословно и даже половину Власьева не переписала на свое имя. По бумагам Власьево

¹ Крестьяне были освобождены от барщины и платили не самый высокий оброк – 10 рублей серебром с мужнины (для средней полосы России обычная сумма 8–12 рублей). Одну из оброчных статей составляла скупка домашней птицы, которую отправляли для продажи в Петербург. В числе промыслов была поденная работа в Петербурге, «подвоз по каналам на своих барках песку и прочих материалов для построек и вывозом мусора». Определенный доход приносила продажа сена, которое в Бежецке, «по случаю постоянного квартирования кавалерийских полков», стоило до 30 копеек серебром за пуд [ГАТО. Ф. 148. Оп. 1. Ед. хр. 155. Л. 5, 9, 2].

² Возможно, причиной отъезда Ржевского из Твери было событие, о котором пишет племянница Д.С. Ржевского: жена призналась ему, что любит Унковского, в феврале 1860 г. сосланного в Вятку, и уехала за ним; впоследствии вернулась к мужу [Ржевская, 2010, с. 75].

все числилось Дмитрия Семеновича» [Ржевская, 2010, с. 58]. Ржевский вернулся в свое поместье в период проведения крестьянской реформы, и, избранный мировым посредником в Зарайском уезде, последовательно отстаивал интересы крестьян. В 1862 г. он поддержал крестьян в тяжбе с графом Д.А. Толстым, впоследствии обер-прокурором Святейшего Синода и министром народного просвещения. Толстым принадлежало 10000 десятин земли в Зарайском уезде, но они присвоили себе еще и 441, 5 десятин крестьянской земли в селе Вакине и деревне Шушпановой, ухитрившись «отрезать у крестьян наилучшую землю, а взамен предоставить им негодную», к тому же, «вопреки Положению 19 февраля 1861 г., увеличили сумму оброка» [Хотеенков, 1996, с. 133]¹. Мировой посредник Ржевский решил жалобу крестьян в их пользу, но Толстой довел дело до суда, в котором интересы крестьян представлял Унковский, писавший впоследствии: «Столкновения с ним не обошлись мне даром» [Записки, 1992, с. 29]².

Для Ржевского его столкновения с Толстым также не обошлись даром: в 1863 г. он был отдан под надзор полиции. Некоторые подробности узнаём из письма рязанской жительницы писательницы Н.Д. Хвоцинской. 8 марта 1863 г. она сообщала своей приятельнице О.А. Новиковой: «Ты немного спутала или до тебя дошли не совсем верные вести. Мировой посредник Дмитрий Семенович Ржевский, друг Унковского, не сослан, а только отдан под присмотр полиции (!)». Ближайшей причиной стало доношение зарайского уездного предводителя Повалишина, который на выборах заявил, что «мировой посредник Ржевский “бунтует крестьян против правительства”». Губернский съезд Повалишина «осрамил и едва не выгнал из залы собрания», но уезд опять избрал его предводителем [РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 850. Л. 189–191]³. Хвоцинская обвиняла

¹ Подробное изложение этого конфликта без упоминания имени Ржевского см.: [Отечественные записки, 1862, с. 13–23].

² Толстой сделал все, чтобы лишить Унковского возможности заниматься адвокатской деятельностью.

³ Далее отсылки даны в тексте; здесь и далее письма цитируются с соблюдением современных правил орфографии и пунктуации. Пользуюсь случаем поблагодарить профессора

«графов Толстых» в тех безобразиях, которые творились в Рязанской губернии: «За него запретили половину ходатайств за крестьян; за него отдали под присмотр полиции посредника Ржевского, друга Унковского...» [РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 850. Л. 214 об.]. Эта история уже много лет спустя после смерти Ржевского стала причиной того, что сведения о нем были помещены в справочнике «Деятели революционного движения в России» [Деятели, 1928, стб. 349], хотя к революционной деятельности причастен он не был.

Столкновение с могущественным Толстым отозвалось и после смерти Ржевского. Снова обратимся к Н.Д. Хвошинской, которая в письме от 30 сентября (12 октября) 1869 г. сообщала: «Здесь недавно был исторический и анекдотический министр просвещения, граф Дмитрий Толстой – *вакинский*. <...> он, в проезд и обозрение, назначил инспектором *всех* училищ (уездных, земских) господина безграмотного и бестолкового, рекомендованного ему таковым же губернатором Болдаревым. Господина он, положим, не знал, но рекомендателя давно знает. Болдарев, не совсем уверенный в существовании в русской азбуке *ятя* и *фиты*, выразил, что “не знающий по-гречески – не человек!...” и затем – вдвоем с министром порешили выкинуть портрет Белинского из залы гимназии, приказано было гимназистам выйти во двор, выстроиться и провожать министра за ворота на улицу. Гимназист Ржевский, которого отец (покойный) был лично оскорблен Толстым в деле с<ела> Вакина, не пошел в гимназию в день прибытия министра и был за то наказан, как школьник, без обеда. Ему 17 лет¹. Вот тебе и память о честном отце и прочее» [РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 852. Л. 28–28 об.].

Тамперского университета Арию Розенхольм, предоставившую мне копии писем Хвошинской.

¹ Старший сын Ржевских Сергей (7 мая 1851–1914) унаследовал от матери музыкальную одаренность, о чем вспоминал знавший его по Тамбову М.А. Боратынский: «С Ржевским нас соединяла, главным образом, музыка, так как он был большим любителем и порядочным скрипачом...» [Боратынский]. Занимал пост Тамбовского (1899–1902) и Рязанского (1904–1905) губернатора; последние годы, видимо, провел в родовом имении Власьева, где и был похоронен. Кроме него у Ржевских было четыре дочери: Мария (род. 5 апреля 1852), Александра (род. 25 апреля 1853), Евдокия (род. 1

После смерти Ржевского его жена оказалась в сложном финансовом положении. Как пишет мемуаристка, «Наталья Сергеевна тратила свои деньги на имение мужа, и обратных расписок в удостоверение этого не брала. В конце концов, все имущество оказалось мужнино и детское, а ее ничего». Некогда состоятельная женщина была вынуждена довольствоваться грошами, выделяемыми братом покойного мужа, который добился опеки, лишившей ее возможности распоряжаться имуществом. Но бедствовала она недолго: в 1869 г. умерла ее тетка Н.Д. Пуцина, жены декабриста (в первом браке Фонвизина), оставившая наследство. Вероятно, в начале 1870-х гг. Наталья Сергеевна вышла замуж вторично – за Михаила Николаевича Гумилина¹. Она закончила свои дни в Рязани, где ей принадлежал дом на углу Садовой и Вознесенской улиц [Никитин, <http://hghltd.yandex.net/yandbtm?qtreetree>], и была похоронена в Рязанском кремле на кладбище Спасо-Преображенского монастыря. Дмитрий Семенович, по словам племянницы, был похоронен во Власеве, не на кладбище, а «в саду, в его любимой клумбе посреди цветов». Его гроб от церкви до могилы три версты несли на руках крестьяне села Вакино, которых он спас от переселения [Ржевская, 2010, с. 74].

Такова в общих чертах канва жизни Д.С. Ржевского. Представленные нами факты позволяют говорить о том, что провинциальные – тверской и рязанский – периоды его жизни были не менее значимы, чем периоды службы в столицах, и поэтому репрезентация Ржевского как чиновника министерства иностранных дел или московского цензора оказывается явно недостаточной.

января 1855) и Вера (род. 2 мая 1856), сведениями о судьбе которых мы не располагаем [ГАТО. Ф. 645. Оп. 1. Ед. хр. 3500. Л. 4].

¹ О втором муже Натальи Сергеевны можно найти краткую информацию в справочнике «Деятели революционного движения в России», где отмечено его участие в литографировании и расклеивании нелегальных прокламаций «Великорусс», а также в студенческих волнениях в Москве в октябре 1861 г. В 1862 г. он был арестован, «приговорен к двухдневному аресту и к отдаче под надзор полиции на два года» [Деятели революционного движения в России, 1928, стб. 134–135].

Разумеется, нет никаких оснований, чтобы причислять Ржевского к деятелям революционного движения, но совершенно понятно, что он был одним из честных деятелей эпохи реформ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анохин, Дмитрий. Ржевские / Дмитрий Анохин [Электронный ресурс]. URL: <http://www.history-ryazan.ru/phpbb/viewtopic.php?f=29&t=314>. (04.04.2014).

Барсуков, Николай. Жизнь и труды М.П. Погодина: В 22 т. / Николай Барсуков. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1897. Кн. 11. – 560 с.

Барсуков, Николай. Жизнь и труды М.П. Погодина: В 22 т. / Николай Барсуков. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1899. Кн. 13. – 413 с.

Боратынский, М.А. Из истории дворянского рода Боратынских / Сост., авт. вступ. ст. и коммент. М.А. Климова / М.А. Боратынский. – Тамбов: ООО «Издательство Юлис», 2007 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tambovlib.ru/?view=books.boratinsky>. (04.04. 2014).

Ботова, О.О. Московский цензурный комитет во второй четверти девятнадцатого века (Формирование. Состав. Деятельность). Автореф. дисс... канд. ист. Наук / О.О. Ботова. – М., 2003. – 30 с.

Гринченко, Н.А., Патрушева, Н.Г. Цензоры Москвы: 1804–1917 (Аннотированный список) / Н.А. Гринченко, Н.Г. Патрушева // НЛО. – 2000. – № 44. – С. 409 – 433.

Деятели революционного движения в России. Биобиблиографический словарь. Т. I. Ч. II. Шестидесятые годы / Сост. А.А. Шилов и М.Г. Карнаухова. – М.: Изд-во Всесоюзного общества полит. каторжан и ссыльнопоселенцев, 1928.

Джаншиев, Гр. А.М. Унковский и освобождение крестьян. Историко-биографические справки / Гр. Джаншиев. – М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1894. – 256 с.

Дневник М.Н. Похвиснева // Русский архив. – 1911. – № 2. – С. 189–208.

Долгоруков, П.В. Петербургские очерки. Pamфлеты эмигранта. 1860–1867 / Собр. и пригот. к печати П.Е. Щеголев. Доп. и снабдил введ., и примеч. С.В. Вахрушин / П.В. Долгоруков. – М.: Кооперат. изд-во «Север», 1934. – 480 с.

Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год. – Л.: Наука, 1980. – 285 с.

Записки Алексея Михайловича Унковского / Публикация В.Д. Чернышова // Тверская старина. – 1992. – № 1. № 1 (3). – С. 17-34.

Крылов, Д. Столетие Тверской мужской гимназии (1804 – 2 февраля 1904 г.). Исторические записки / Д. Крылов. – Тверь: Тип. Губернского правления, 1904. – 388 с.

Летопись жизни и творчества Н.А. Некрасова: В 3 т. Т. 1: 1821–1855 / Отв. ред. Б.В. Мельгунов. – СПб.: Наука, 2006. – 581 с.

Любарский, Кассиан. Рязанский некрополь. Ч. 1-я. Спасский мужской монастырь / Кассиан Любарский. – Рязань: Тип. Братства св. Василия, 1914 [Электронный ресурс]. URL: <http://spassmon.narod.ru/nekropol.html>. (04.04.2014).

Мезьер, А.В. Словарь русских цензоров: материалы к библиографии по истории русской цензуры / А.В. Мезьер. – М.: ГПИБ, 2000. – 142 с.

Мушина, И.Б. Поэзия и проза Полонского / И.Б. Мушина // Полонский Я.П. Сочинения: В 2 т. Т. 1. Стихотворения. Поэмы / Сост., вступ. ст. и коммент. И. Мушиной. – М.: Художественная литература, 1986. – С. 5-26.

Никитенко, А.В. Записки и дневник (1826–1877) / А.В. Никитенко. – СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1893. Т. I. – 588 с.

Никитин, Александр. Гоголь и рязанцы / Александр Никитин [Электронный ресурс]. URL: <http://hghltd.yandex.net/yandbtm?qtree>. (04.04.2014).

Островский, А.Н. Полное собрание сочинений: В 12 т. / А.Н. Островский. – М.: Искусство, 1978. Т. 10. – 720 с.

Отечественные записки. – 1862. – № 11.

Ржевская, Н.П. Личные воспоминания и все слышанное. Мемуары / Н.П. Ржевская. – Тула: [Б. и.], 2010. – 117 с.

Ржевская, Н.С. Поймешь ли ты? [Ноты]: романс / Н.С. Ржевская. – М., 1862

Ржевский, Д. Проект положения об устройстве конных станций для провода почт и проезжающих/ Д. Ржевский. – СПб.: Тип. Безобразова, 1864.

Салтыков, М.Е. Собрание сочинений: В 20 т. / М.Е. Салтыков-Щедрин. – М.: Художественная литература, 1975. Т. 18-1. – 350 с.

М.Е. Салтыков и Тверской край. Материалы к летописи / Сост. Е.Н. Строганова // Щедринский сборник. Выпуск 3 / Науч. ред. Е.Н. Строганова. – Тверь: СФК-офис, 2009. – 316 с.

Скабичевский, А.М. Очерки истории русской цензуры (1700–1863) / А.М. Скабичевский. – СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1892. – 499 с.

Соколова, А.И. Встречи и знакомства / А.И. Соколова // Исторический вестник. – 1911. Т. 123. Январь. – С. 95-115.

Стасов, В.В. Цензура в царствование императора Николая I / В.В. Стасов // Русская старина. – 1903. Декабрь.

Сысоев, Владимир. Тверской губернатор Александр Павлович Бакунин / Владимир Сысоев. – Тверь: ЗАО СДЦ «ПРЕСТО», 2004. – 352 с.

Хотеенков, В. Граф Д.А. Толстой – «лжегосударственный человек» / В. Хотеенков // Высшее образование в России. – 1996. – № 4. – С. 130–148.

Архивы

Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 645. Оп. 1. Ед. хр. 3500.

ГАТО. Ф. 20. Оп. 1. Ед. хр. 2512.

ГАТО. Ф. 20. Оп. 1. Ед. хр. 2633.

ГАТО. Ф. 20. Оп. 1. Ед. хр. 2932.

ГАТО. Ф. 148. Оп. 1. Ед. хр. 155.

РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 850.

РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 852.